

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-174-192>

УДК 821.161.1Р.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Р.О. Халилов

г. Москва, Россия

ДОН КИХОТ И САНЧО ПАНСА В КОМЕДИИ В.П. КАТАЕВА «РАСТРАТЧИКИ»

Аннотация: Статья посвящена выявлению пародии, выражающейся в сходстве главных героев, их внешних черт, функций образов, фабулы комедии В.П. Катаева «Растратчики» и романа М.С. Сервантеса «Дон Кихот». Выборочный анализ оставил за пределом исследования художественные и идейно-эстетические аспекты комедии «Растратчики», внимание сосредоточено на теме исследования. Избирательный подход позволил выделить в художественной структуре комедии отдельные элементы: именование персонажей по аналогии с легендарной парой, создающее понятные читателю ожидания; кольцевую фабулу с обособленными эпизодами, повторяющую схожий с оригиналом путь персонажей; внешние черты, манеру поведения, фрагменты действия, обуславливающие условное сходство основных персонажей комедии В. Катаева с героями романа М. Сервантеса. Проведенный анализ позволил установить, что, несмотря на динамику действия, острые диалоги и неожиданные повороты, оттеняющие сходство основных персонажей «Растратчиков» с Дон Кихотом и Санчо Панса, пародия ясно читается. Задействованная в создании В. Катаевым комедии пародия на роман «Дон Кихот» не затрагивает концепции произведения и не является комическим ее толкованием. Установленная в результате исследования пародия на роман М. Сервантеса «Дон Кихот», использованная В. Катаевым в создании комедии «Растратчики», является ступенью к более глубокому изучению художественно-идейного своеобразия пьесы, а так же может войти в круг исследования интерпретации «Великого» сюжета период 1920–1930 гг. в советской драматургии.

Ключевые слова: В.П. Катаев, М.С. Сервантес, Дон Кихот и Санчо Панса, К.С. Станиславский, МХАТ, СССР.

Информация об авторе: Руслан Османович Халилов — преподаватель-исследователь, ул. Добролюбова, д. 9/11, 127254 г. Москва, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4870-0677>

E-mail: lilhalilov@yandex.ru; lil987654321@yandex.ru

Дата поступления статьи: 09.04.2024

Дата одобрения рецензентами: 07.10.2024

Дата публикации: 25.03.2025

Для цитирования: Халилов Р.О. Дон Кихот и Санчо Панса в комедии В.П. Катаева «Растратчики» // Вестник славянских культур. 2025. Т. 75. С. 174–192.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-174-192>

Весной 1927 г. К.С. Станиславский предложил В.П. Катаеву инсценировать повесть «Растратчики», опубликованную в трех последних номерах 1926 г. журнала «Красная новь» [12, с. 65–87; 13, с. 34–73; 14, с. 78–108]. На решение К. Станиславского ставить пьесу по повести В. Катаева «Растратчики» в МХАТ повлияла не только сценичность материала и требование власти отображать в театре современность [17, с. 44–67], но и восторженное мнение профессионального сообщества [9, 18, 21, 32]. Написание пьесы, трудная работа над текстом с К. Станиславским вплоть до «...коренной переделки всей постановки» [29, с. 499] продолжались весь 1927 и начало 1928 г. Первый этап работы (апрель — май 1927 г.) заключался в адаптации повести к пьесе (сюжет и композиция, выбор и редакция эпизодов, функции образов, диалоги). На втором этапе работы (декабрь 1927 — январь 1928 г.) состоялась коренная переработка первого варианта. Двадцать первого января 1928 г. вариант «Растратчиков» был зарегистрирован Главрепеткомом и получил право на постановку в МХАТ (РГАЛИ. Ф. 1926. Оп. 1. Ед. хр. 16. 1928). Шестнадцатого апреля 1928 г. в МХАТ состоялась «генеральная репетиция «Растратчиков» и ее обсуждение» [5, с. 29]. «К. Станиславский недоволен спектаклем. Переносит премьеру его с 18 на 20 апреля» [5, с. 28]. 20 апреля 1928 г. «первое представление пьесы В. Катаева «Растратчики», режиссер И.Я. Судаков, художник И.М. Рабинович» [5, с. 30] в МХАТ на большой сцене прошла без оваций. В период весна — лето 1928 г. комедия в Москве прошла 18 раз, и после 28-го спектакля, сыгранного 15 июля 1928 г. на гастролях в Ленинграде [5, с. 47] «Растратчики» были сняты с репертуара. В театрах СССР комедия больше не ставилась. В отчете 1929 г. прошлого театрального сезона 1928 г. критик Э.В. Бескин о постановке комедии в МХАТ сообщает:

Катаевские «Растратчики» <...> густыми мазками кошмарного жанра, с оглядкой на Достоевского, рисуют какую-то гофманиану «растрат» <...> т.е. видит его извращенно, в какой-то карамазовской похоти садического анекдота... [2, с. 237–238].

За четыре дня до премьеры 16 апреля 1928 г. В. Катаев выступил на худполитсовете в МХАТ:

Прежде всего должен сказать, что в первоначальной редакции пьесы было все совсем иначе. От первой редакции остался только первый акт и часть последнего. Средняя же часть, где у меня были сцены в Ленинграде, в городе Калинове, в деревне, — теперь заменена вот этой сценой на ярмарке (РГАЛИ. Ф. 1926. Оп. 1. Ед. хр. 16. 1928).

Текст пьесы, утвержденный главрепеткомом в январе 1928 г., был плодом коллективного творчества заинтересованных в постановке спектакля:

...обе сцены, заметим, были вписаны Катаевым по подсказкам нафантазировавшего их Станиславского — в первом варианте их не было [29, с. 501].

Переработка сюжета деформировала замысел автора кардинально. От художественных параллелей с романом М. Сервантеса «Дон Кихот» почти ничего не осталось. Принятие сторонних идей, соглашательская позиция в работе над пьесой («Художественный театр хотел видеть в Катаеве Гоголя, и Катаев малодушно этому не сопротивлялся...» [22, с. 42]), по нашему мнению, стали основной причиной неудачи «Растратчиков». На протяжении своего творческого пути в области драматургии Катаев

периодически работал в соавторстве [33, с. 4], однако, руководствуясь опытом «Растратчиков», подобного подхода к своему творчеству более не допускал.

Первое публичное издание пьесы «Растратчики» вышло через 2 года после провального спектакля в МХАТ отдельной книжкой в 1930 г. [15]. В 1934 г. брошюрой для театра и читателей комедия (РГАЛИ. Ф. 2452. Оп. 3. Ед. хр. 1981. 1934.) без изменений переиздается. Спустя почти 50 лет в 1986 г. «Растратчики» с незначительными правками выходят в девятом томе «Пьесы» собрания сочинений В. Катаева [34]. В архиве РГАЛИ хранится еще один вариант «Растратчиков» (машинопись), аналог варианта 1930 г. Он входит в состав машинописных экземпляров комедий 1927–1929 гг. «Квадратура круга», «Универмаг» и драмы «Авангард» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 6579. 1929.) вероятно, готовящегося, но не вышедшего сборника пьес.

При сверке первого публичного издания 1930 г. и двух вариантов для сцены МХАТ (апрель — май 1927 и декабрь 1927 – январь 1928 гг.) мы наблюдаем почти полное сходство издания 1930 г. с первым вариантом «Растратчиков» (апрель — май 1927 г.). Сюжетно-композиционная линия, система образов, количество действий, сцен и, главное, пародийное сходство внешних особенностей и функций образов основных персонажей, схема сюжета (фабула) романа М. Сервантеса «Дон Кихот» и комедии «Растратчиков» первого сценического варианта 1927 г. (апрель-май) а также вариантов 1930, 1934, 1986 гг. комедии (с незначительными правками) совпадают. Текстологическая сверка текстов дает основание говорить о существовании двух вариантов пьесы: неудачной постановки комедии в МХАТ (с вычищенными художественными параллелями романа «Дон Кихот») и всех остальных вариантов комедии. Вариант провального спектакля «Растратчики» в МХАТ и театре «Ленсовет» (20 апреля – 15 июня 1928 г.) никогда не был опубликован, доступен в двух архивных экземплярах (РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 1384. 1928; Ф. 1. Оп. 107. БРЧ-274. 1928).

До Великой Отечественной войны критики и литературоведы И.М. Машбиц-Веров [23], Б.Я. Брайнина [3], В.А. Россоловская [26], В.В. Ермилов [11] в статьях о творчестве В. Катаева, говоря о его драматургии, пьесу «Растратчики» не упоминали. После Великой Отечественной войны в 1950-е и 1960 гг., в книгах о жизни и творчестве В. Катаева Т.Н. Сидельникова [27, с. 64] и Л.И. Скорино [28, с. 199–202] описывают процесс неудачной постановки «Растратчиков» в МХАТ. Ф.И. Луценко [20] и Б.Я. Брайнина [4] о пьесе не упоминают. В вышедшем в 1959 г. очерке о драматургии В. Катаева Л.М. Климова повторяет сказанное о пьесе «Растратчики» театральными критиками прошлых лет [16, с. 117–119]. В вышедшей в 1989 г. книге о творчестве В. Катаева Б.Е. Галанов комедию «Растратчики» рассматривает в контексте неудачной инсценировки в МХАТ [7, с. 32–34]. М.А. Литовская в диссертации 1999 г. «Социальнохудожественный феномен В. Катаева» отмечает неудачный спектакль «Растратчики» в МХАТ [19, с. 42]. В изданных в 2010-х книгах о жизни и творчестве В. Катаева В.В. Огрызко [25, с. 110–130] и С.А. Шаргунов [29, с. 219–229] подробно, с ссылкой на архивные источники рассказывают о перипетиях постановки «Растратчиков» в МХАТ.

По нашему мнению, отличие варианта «Растратчиков», ставшего основой неудачной постановки в МХАТ, и вариантов 1930, 1934 и 1986 гг. были известны критикам и литературоведам. В условиях политики власти в области литературы в СССР [30, с. 116–118], становления новых тем и героев в драматургии [8, с. 123–174] в 1930–1940 гг., литературоведческая полемика, посвященная повести «Растратчики», провальной инсценировке этой повести в МХАТ и новому варианту комедии с реминисценциями романа М. Сервантеса «Дон Кихот», тем более с сочувственным смехом

над уходящим образом дореволюционного интеллигента была вряд ли возможна. Ограниченность критического подхода к «Растратчикам» у советских специалистов после Великой Отечественной войны в 1950–1990 гг. и постсоветского времени связана с отсутствием исследовательского интереса к драматургии В. Катаева.

Со времени первого публичного издания комедии «Растратчики» и по настоящее время мы не встретили ни одной публикации, затрагивающей тему данной статьи.

Анализ проводится по изданию комедии «Растратчики» 1986 г. [34]. Части исследования, как и цитаты из произведений, расположены в необходимой для анализа последовательности. Ключевые слова и фразы могут быть выделены жирным шрифтом.

В романе М. Сервантеса «Дон Кихот» преисполненность благородными стремлениями к идеалам рыцарства, возвышенность романтической мечты о прекрасной даме наделяют образ Дон Кихота и преданного ему Санчо Панса положительными коннотациями. В то же время способы реализации желаний, путь к цели, непригодность к недоброжелательной среде вызывают сочувствие и добродушный смех над героями. В пьесе Катаева стремление героев к старомодным образцам дореволюционного прошлого, поиск романного идеала дамы в «городских подворотнях», мечты, связанные с причудливыми картинами обыденности, делают бухгалтера Прохорова и его кассира добродушными чудаками. Подобно Дон Кихоту и Санчо Пансе герои комедии «Растратчики» не умеют противостоять недобродушной среде, их непригодность, а в некоторых случаях беспомощность вызывают сочувственный смех. Несмотря на родовое (проза – драма) и идейно-эстетическое различие пьесы и романа, автор комедии «Растратчики» попытался средствами драматургии передать внешнее (местами и внутреннее) сходство героев комедии с легендарными героями романа М. Сервантеса. Пародийное сходство основных персонажей комедии «Растратчики» с героями романа «Дон Кихот» не является драматургической переделкой и сниженной комической трактовкой образа Дон Кихота и Санчо Панса, не затрагивает эмоционально-ценностных основ романа М. Сервантеса.

1. Дон Кихот и его оруженосец Санчо Панса и аналогия в именовании Прохорова и его кассира Ванечки.

Аллюзия именовании главбуха Прохорова и его кассира Ванечки направляет внимание читателя на знаково-символическую пару героев романа М. Сервантеса «Дон-Кихот»:

...Мужественного Дон Кихота и его верного оруженосца Санчо Пансу... [35, ч. 1, с. 141].

Основные персонажи «Растратчиков» автором именуется по аналогии с героями романа «Дон Кихот»:

Тайный советник Прохоров и его кассир Ванечка» [34, с. 33], «А я граф Гвидо со своим кассиром Ванечкой» [34, с. 44];

Сенатор Прохоров... Со своим собственным кассиром Ванечкой... [34, с. 63].

По функциям, а также внутреннему и внешнему различию: «...Оба — трагические представители двух вечно разделенных и вечно тяготеющих друг к другу полусфер человеческого духа — идеализма и реализма» [24, с. 96–97], — читатель безошибочно определит в искусстве или литературном произведении присутствие в той или иной форме легендарной пары Дон Кихота и Санчо Панса. В «Растратчиках» автор, используя аллюзию «...Прохоров и его кассир Ванечка» [34, с. 33] на узнаваемых героев Дон Кихота и Санчо Панса, создает схожий с источником художественный образ противоположных и вместе с тем близких друг другу основных персонажей. Прохоров интеллигент:

Воин, герой Порт-Артура и кавалер орденов <...> посвятил себя финансово-счетной деятельности... [34, с. 18].

Ванечка человек из народа:

...Я сам местный <...> моя мамаша, если не померла, в деревне Верхней Березовке живет [34, с. 57].

Прохоров занимает должность руководителя — главбух. Ванечка находится на должности подчиненного — кассира. По аналогии с легендарными героями главбух Прохоров и кассир Ванечка отличаются противоположными темпераментами: ведущий — ведомый. Подобно Дон Кихоту и Санчо Панса бухгалтер и кассир контрастируют внешностью:

Изабелла (быстро). Один такой высокий, с усами, барашковый воротник, на носу пенсне, другой такой маленький, в сапогах? [34, с. 38]

Так же, как и легендарные герои, Прохоров и Ванечка чудачки, их отношения иерархичны, но вместе с тем свободны от внешних условностей.

Комическое подобие образу в именовании Прохорова и его кассира Ванечки должно было порождать в читателе определенные ожидания (в том случае, если читатель знаком с романом М. Сервантеса «Дон Кихот»), связанные с функциями, особенностями образов основных персонажей.

2. Хроникальная кольцевая фабула.

В романе М. Сервантеса Дон Кихот и Санчо Панса, покинув дом, отправляются в странствие защищать рыцарские идеалы (кодекс рыцарской чести, дама сердца). На протяжении всего романа Дон Кихот и Санчо Панса, управляемые эмоциональным состоянием и нравственными принципами, множество раз вступают в единоборство с недоброжелательной средой (эпизоды странствия выстроены по пространственно-временной линии и не связаны между собой причинно-следственной связью — хроникальность фабулы). То возвращаясь домой, то вновь путешествуя, претерпевая неудачи, обвиняемый в сумасшествии Дон Кихот и его оруженосец Санчо Панса возвращаются домой; заболев, идальго отказывается от рыцарского образа, умирает (линия сюжета возвращается в исходную точку, закольцовывается).

В комедии «Растратчики» бухгалтер Прохоров и его кассир Ванечка по недоразумению становятся растратчиками, покидают работу и дом. Наивные и беззащитные,

увлеченные поиском абстрактной цели «обследования», Прохоров и его кассир Ванечка путешествуют по темным городским углам, в столкновении с недружественной средой терпят неудачи, обман и унижения (эпизоды «обследования» в комедии расположены в пространственно-временной последовательности с отсутствием причинной связи между собой — хроникальная фабула). Растратив присвоенные деньги, пережив разочарование от странствия, ощутив тяжелое потрясение («Ванечка. ...Совсем с ума сошли-с» [34, с. 77]), главбух Прохоров и его кассир Ванечка возвращаются домой (сюжетная схема закольцовывается).

Действие в комедии «Растратчики» имеет такой же хроникальный (чередующиеся эпизоды расположены по линии хронотопа без причинной связи в сюжете) тип кольцевой фабулы (возвращение в место начала действия), что и роман «Дон Кихот» (две части).

3. Появление мира иллюзий из романов, материализация этого мира, тоска по прошлому Дон Кихота и Прохорова.

В экспозиции романа, характеризуя героя, Сервантес описывает способ появления романтических грез и мечтаний Дон Кихота:

Надобно знать, что вышеупомянутый идальго в часы досуга <...> отдавался чтению рыцарских романов <...> Воображение его было поглощено всем тем, о чем он читал в книгах <...> И вот, когда он уже окончательно свихнулся, в голову ему пришла такая странная мысль <...> сделаться странствующим рыцарем [35, ч. 1, с. 27–28].

В экспозиции «Растратчиков» автор изображает пародию на героя «Дон Кихота» относительно пристрастия Прохорова к чтению романов, формирование его романтических стремлений: «Заберешься с горстью храбрецов в Ляолян, выставишь караул, вытащишь из кармана роман «Великосветская красавица Изабелла» или «Граф Гвидо — покоритель сердец»... Да... Не то что теперешние, которые... До сих пор жжет...» [34, с. 9].

Усвоенный книжный мир становится органической частью природы Дон Кихота, он ощущает себя преемником романских героев:

Разве вашей милости незнакомы <...> подвиги короля Артура <...> славный рыцарский орден Рыцарей Круглого Стола <...> к коему, как вы знаете, принадлежу и я, грешный [35, ч. 1, с. 110–111].

Кумиры из прочитанных рыцарско-приключенческих романов не единожды подменяют личность Прохорова в реальном общении. Главбух обращается к «посетителям» (ряженым) клуба:

Прохоров. Очень приятно. А я граф Гвидо со своим кассиром Ванечкой [34, с. 44].

Книжный образ служит источником эмоциональных порывов, Прохоров видит себя романтическим героем из книг:

Прохоров. ...Башня Тамары... Кинжал... Патронташ... Черт-те что. Граф Гвидо на взмыленном кабардинце, роза на шляпе, глаза — угли [34, с. 71].

Восторг и следование героическим примерам рыцарей из приключенческих романов у Дон Кихота множество раз в течение сюжета сочеталось с отсылкой к «счастливому «золотому веку» в прошлом» [24, с. 95]:

Блаженны времена и блажен тот век, который древние назвали золотым <...>. В те благословенные времена все было общее [35, ч. 1, с. 97].

Подобно Дон Кихоту, главбух на протяжении всего сюжета воссоздает книжную реальность в сочетании с воспоминаниями о дореволюционном прошлом:

Я тебе, Ванечка, скажу, что наша жизнь не что иное, как сон... А прежде! <...> какая была жизнь. Какая жизнь [34, с. 19].

Дон Кихот множество раз восхищался романскими кумирами, упоминал их как присутствующих в реальности:

Наконец, доблестный и непобедимый рыцарь дон Бельянис Греческий, которого мы словно вчера еще видели... [35, ч. 1, с. 111].

По аналогии с Дон Кихотом, Прохоров не единожды возносил своего начальника из далекого дореволюционного прошлого до возвышенного героя:

...Что такое Саббакин — ясно. А? <...> Великий Саббакин. Ха-ха [34, с. 20].

Так автор «Растратчиков» создает образ Прохорова, используя в его поступках и диалогах на протяжении всего сюжета параллели с Дон Кихотом: грезы и мечтания, почерпнутые из книг, отображение прочитанного в романах и реального прошлого.

4. Появление в сознании Дон Кихота и главбуха Прохорова возвышенного образа дамы из романов и воплощение этого образа в реальность.

Несмотря на то что образ любимой Дульсинеи появляется из книг, он побуждает Дон Кихота к поступкам, служит источником творческой и жизненной энергии:

Неужели ты думаешь, что разные эти Амарилис, Дианы, Сильвии... <...> все они и правда живые существа? <...> Разумеется, что нет, большинство из них выдумали поэты, — говорит Дон Кихот о Дульсинеи и добавляет, — в моем представлении это благороднейшая в мире принцесса [35, ч. 1, с. 236].

Идеал Дульсинеи пронизывает весь роман, однако, вопреки желанию, Дон Кихот так ее и не увидит. Вместе с тем образ Дульсинеи, «заколдованной» злым волшебником в безобразную крестьянку, идалго увидеть посчастливилось:

...Эти существа не удовольствовались тем, чтобы просто преобразить мою Дульсинею и изменить ее облик, — нет, они придали ей низкий облик и некрасивую наружность этой крестьянки [35, ч. 2, с. 73].

Отвратительные черты и непристойные манеры «заколдованной» Дульсинеи не оттолкнули Дон Кихота, с еще большим рвением идальго начал ценить воображаемый идеал:

...Моя владычица оказалась превращенною в сельчанку, пропахшую луком <...> ты повсюду моя, а я повсюду был и буду твоим [35, ч. 2, с. 348].

Так же как у Дон Кихота, возвышенный идеал дамы у Прохорова появляется из романов:

Заберешься с горстью храбрецов в Ляолян, выставишь караул, выгацишь из кармана роман «Великосветская красавица Изабелла»... [34, с. 9].

Для большей ясности своего замысла автор воображаемому идеалу бухгалтера Прохорова и земному его воплощению дает одно имя — Изабелла. Сцену столкновения возвышенного идеала Дон Кихота и земной Дульсинеи (безобразная крестьянка) автор «Растратчиков» пародирует в комическом сопоставлении идеального образа из романа и проститутки. До тех пор, пока воображаемый образ Изабеллы оставался в сознании Прохорова, он вдохновлял главбуха:

«**Прекрасная Изабелла** пошатнулась... Ланиты ее покрыл смертельный румянец... Волосы ее, черные, как кипящая смола, рассыпались змеями по мрамору обнаженных плеч...» **Да... Вот это жизнь!** [34, с. 9].

Пародия на пару Дон Кихот — Дульсинея заканчивается в сцене противопоставления «**Прекрасной Изабеллы**» из романа и женщины легкого поведения:

Изабелла. ... (Кокетливо ударяет его ридикулем по шее.) Какие они, мужчины, странные. Строят вид, как будто ничего не помнят. Прохоров. М... м... м ... (**В ужасе оглядывает Изабеллу, тоскует.**) [34, с. 28].

Высокие стремления героя романа М. Сервантеса несомненно вызывают уважение однако автор «Растратчиков» обращает внимание на обратную сторону этой мечты, вступает в творческий диалог с М. Сервантесом. Зримый и осязаемый образ Изабеллы оборачивается горьким разочарованием в идеале:

Изабелла прижимается к Прохорову. Перья ее шляпки лезут ему в нос. Он чихает и морщится. **Она внушает ему отвращение** [34, с. 31].

Автор как бы наказывает Прохорова за низменные мечты, плотские чувства: проститутка Изабелла будет преследовать и отравлять жизнь бухгалтера до самого финала комедии [34, с. 45–46, с. 51–53, с. 73–74].

Противопоставляя образы Прохорова и Изабеллы в комическом подражании легендарной любви Дон Кихота и Дульсинеи, автор, вступая в творческий диалог с М. Сервантесом, привлекает внимание читателя к проблеме ответственности и последствий воплощения мечты в реальность, несущего как вдохновение и высокое стремление, так и горькое разочарование.

5. Изменяющиеся обстоятельства влияют на смену имени.

Смена имени героя в «Дон Кихоте» знаменует решительный поворот в жизни идадьго. Герой, который в реальной жизни «...носил фамилию **Кихада**», решил, «... что будет всего лучше, если он назовет себя **Дон-Кихотом** <...> однако истинному рыцарю надлежит присовокупить к своему имени название своей родины и стать **Дон Кихотом Ламанчским**» [35, ч. 1, с. 17–19]. В связи с открывшимися обстоятельствами Дон Кихот вносит изменение в свое имя:

...**Рыцарь Печального Образа**, и так я и буду именоваться впредь [35, ч. 1. с. 167].

В новой ситуации Дон Кихот опять изменяет свое имя:

Буде же его величество спросит, кто этот подвиг совершил, скажите, что **Рыцарь Львов**, ибо я хочу, чтобы прежнее мое прозвание, **Рыцарь Печального Образа**, изменили, переменили, заменили и сменили на это [35, ч. 2. с. 121].

Комическое подражание идадьго в отношении смены имени бухгалтером реализуется в пьесе не единожды: во вновь открывшихся обстоятельствах, в зависимости от ситуации и настроения. Подъезжая к Ленинграду, планируя предстоящее «обследование» бухгалтер подбирает соответствующий образ:

Прохоров. ...Кто? **Тайный советник Прохоров и его кассир Ванечка**. А, каково? (Деревянно смеется.) [34, с. 33].

Пытаясь соответствовать новым обстоятельствам, главбух Прохоров опять перевоплощается:

Прохоров. Очень приятно. А я **граф Гвидо со своим кассиром Ванечкой** [34, с. 44].

Новая обстановка подталкивает бухгалтера еще раз изменить имя:

Прохоров. Оч-чень приятно. **Сенатор Прохоров... Со своим собственным кассиром Ванечкой...** Чем могу?.. [34, с. 63].

В «Растратчиках» автор, изображая пародию на использование Дон Кихотом рыцарского права на смену имени, в комически преувеличенной форме высмеивает способность интеллигента Прохорова приспособляться к обстоятельствам в зависимости от ситуации.

6. Устойчивость и неизменность теплых отношений между Санчо Панса и Тереса Панса, между Ванечкой и Зоей.

Санчо Панса, покидая дом и любящую жену Тересу, неизменно к ней возвращается, в путешествии часто вспоминает о ней и семье:

...Я человек тихий, смиренный, миролюбивый <...> мне надо жену кормить и детей вывести в люди [35, ч. 1, с. 127].

При всем своеобразии отношения к жене, Санчо Панса демонстрирует привязанность, преданность Тересе:

...Милая Тереса <...> Пошли тебе Бог счастья, а меня да хранит он ради тебя» [35, ч. 2, с. 266].

Крестьянская непосредственность в отношениях не отменяла теплый юмор по отношению к близкому человеку:

Тереса у меня сущий клад, и, не будь она такой ревнивой, я не променял бы ее даже на великаншу Андадону [35, ч. 2, с. 186].

Условную схожесть отношений Санчо и Тересы Панса, связанных с преданностью, верностью, можно наблюдать во взаимоотношениях Ванечки и дочери главбуха Прохорова Зои. В начале произведения Ванечка знакомится с дочерью Прохорова:

Зоя... Филипповна... **По гроб жизни...** Не забуду... [34, с. 27].

В финале комедии Ванечка к ней возвращается:

Зоя Филипповна <...> Хотя я тогда и не в себе был, но как увидел — **по гроб жизни**» [34, с. 80].

На всем пути «обследования» Ванечка в той или иной форме вспоминает о Зое. В сцене в поезде Москва — Ленинград:

Ванечка (пьет). Будем здоровы... (Впадает в грусть, поет.) **Позарастали стежки-дорожки, где проходили миленькой ножки... Эх, по гроб жизни...** [34, с. 32].

Обращаясь к княжне Ирине в сцене «Каморка в пригороде Ленинграда...», он называет ее Зоей: «Куколка, **Зочка**» [34, с. 48]. В печальном настроении в доме у матери вспоминает о Зое:

Ванечка (тихо, отчаянно, грустно напевает) **Позарастали стежки-дорожки, где проходили милого ножки...** [34, с. 64].

Автор, изображая возвышенно-лирические черты образа Ванечки, подчеркивает общие с Санчо Панса особенности характера человека из народа, не растерявшего под напором цивилизации и неблагоприятных обстоятельств ни преданности, ни уважения, ни постоянства чувств к любимой.

7. Функции Санчо Панса и Ванечки, связанные с разумной предупредительностью и практическим умом.

Для создания образа Ванечки автор использует не только подобие черт Санчо Панса, связанных с семейственностью и преданностью Дон Кихоту (см. параграф 6, 9), но и сходство, относящееся к рациональной предупредительности, практичности.

Приведем примеры оригинала и подражания ему. Столкнувшись с препятствиями на пути, Санчо Панса советует Дон Кихоту отказаться от своего намерения:

Не говорил ли я вам, сеньер Дон Кихот, чтобы не вступали в бой, а возвращались назад... [35, ч. 1, с. 157].

Растратчики оказались в затруднительном положении, Ванечка советует Прохорову вернуться и восстановить растроченные деньги:

Может быть, как-нибудь покроем? <...> Ведь это же, Филипп Степанович, рас... [34, с. 30].

Санчо Панса, обеспокоенный поступками Дон Кихота, пытается его остановить, образумить:

Воротитесь, сеньер Дон Кихот! Клянусь богом, вы нападаете на овец и баранов. Воротитесь! [35, ч. 1, с. 156].

Не раз в комедии Ванечка, понимая уязвимость положения Филиппа Степановича, предостерегает бухгалтера:

Ванечка (тянет Прохорова за рукав). Филипп Степанович. Ей-богу, будет. Уймись. А то вы такое наговорите... [34, с. 63].

И еще:

«Ванечка (с отчаянием). Будет вам, Филипп Степанович, будет» [34, с. 61].

Понимая неловкость положения, Санчо предусмотрительно замечает:

Выкиньте это из головы, — возразил Санчо, — и послушайте моего совета: никогда не следует связываться с комедиантами... [35, ч. 2, с. 81].

Почувствовав ошибочность плана Прохорова (продолжить попойку дома), Ванечка обращает внимание бухгалтера:

А может быть, ваша супруга, Филипп Степанович, будут все-таки недовольны? [34, с. 23]

Практический ум и житейскую логику Санчо проявляет на протяжении всего сюжета. Оправдывая отъем «Мамбринова шлема» у цирюльника, Дон Кихот запрещает Санчо забрать то, что осталось бесхозным после умчавшейся «легче лани» жертвы. Натура Санчо стремится к практическому решению вопроса:

...А скажите на милость, упряжь-то обменять можно? [35, ч. 1, с. 186].

Герцог и герцогиня предложили Дон Кихоту и Санчо принять участие в охоте, выдали им роскошные охотничьи костюмы. Не видя применения в платье из «зеленого, превосходного сукна...» [35, ч. 2, с. 250], Санчо сразу нашел ему практическое применение:

...Взял то, что ему дали, с намерением продать эту одежду при первом же удобном случае [35, ч. 2, с. 251].

Находясь под влиянием гуманистических идей Дон Кихота, восхищаясь его культурой и образованностью, Санчо во множестве эпизодов, связанных с кратковременным губернаторством, проявляет «здравый ум...» [24, с. 102] с пользой для общества и граждан.

Пародийное сходство с Санчо Панса, выраженное в практической рассудительности, Ванечка демонстрирует последовательно на протяжении всего сюжета.

В безвыходной ситуации полного отсутствия денег Ванечка проявляет практическую инициативу:

Ванечка: Да будет, Филипп Степанович. <...> В город надо идти, пальто продавать, иначе не выберемся [34, с. 72].

С целью сохранить деньги, оставшиеся после проигрыша Прохоровым в карты («...Ведь денег-то, денег-то сколько» [34, с. 57]), а также обуздать азарт ощущений бухгалтера (желание отыграться) Ванечка находит практический выход из ситуации:

Ванечка: Филипп Степанович <...> а мы тут в городе Калинове лучше останемся <...> Останемся, и все тут. Прохоров: А что же — Калинов так Калинов, и гора с плеч [34, с. 57–58].

И еще. Главбух, подсчитывая растраченные деньги, впадает в смятение и удивляется:

Прохоров. ... Ведь было же двенадцать тысяч <...> Куда ж они девались? [34, с. 70].

Потрясение нивелируется ясным практическим предложением кассира:

В Москву надо ехать, там все подсчитают... [34, с. 71–72].

Пародией на такие особенности характера Санчо Панса, как здравая предупредительность, практический ум, смекалка, автор комедии добродушно посмеивается над Ванечкиной излишней щепетильностью и незначительными слабостями характера. Черты характера Ванечки, выявленные в результате выборки, схожи с чертами Санчо Панса, становятся продолжением его достоинств и выражены в искренней преданности, моральной ответственности.

8. Мистификация в романе «Дон Кихот» и театрализация в комедии «Растратчики».

В романе «Дон Кихот» подмена действительности иллюзорной реальностью с использованием массовых сцен и декораций происходит с Дон Кихотом и его оруженосцем Санчо Панса в герцогском замке, где хозяева, нахохотавшись, условились, «...что они сыграют с Дон Кихотом отличную шутку, и притом в духе рыцарства» [35, ч. 2, с. 149]. В эпизоде устроенной герцогской четой мистификации читатель наблюдает за ничем не подозревающими Дон Кихотом и Санчо Панса и за тем, как устроители представления, которых «скука доводит до зверского бездушия» [24, с. 108], цинично, с иронией смеются над важным для Дон Кихота возвышенным чувством к Дульсине и другими жизненными устремлениями героев.

В комедии «Растратчики» автор по аналогии с эпизодом мистификации в романе Сервантеса создает сцену с организованной авантюристами театрализацией. Жоржик («Молодой человек») с сообщниками в «Особняке киностудии на Каменоостровском» [34, с. 40] устроил питейно-развлекательный клуб, куда приглашает «дураков иностранцев» [34, с. 39]:

Роскошная зала <...> Из дверей видны другие залы. Роскошь, свету немного [34, с. 40].

Предприимчивый «Молодой человек» для создания иллюзии дореволюционной атмосферы высшего общества пригласил бывших царских генералов, графинь, представителей света:

Даже царя Николая для этого дела выкопал... [34, с. 39].

«Молодой человек» обучил приглашенных правилам «профессионального» поведения. С целью незаконного завладения деньгами заманил в клуб Прохорова и Ванечку:

Разрешите представить вам моих новых друзей, которые прибыли из Москвы в Санкт-Петербург со специальной целью повращаться в высшем свете. Прикажете принять? [34, с. 43]

Читатель с сочувствием и смехом наблюдает за профессиональной работой авантюристов по одурачиванию ничего не подозревающих растратчиков.

Пародия на мистификацию в «Растратчиках» построена по аналогии с внешним действием соответствующих глав романа М. Сервантеса. Герцог и герцогиня со свитой в «Растратчиках» заменяются авантюристом Жоржиком и ряжеными сообщниками; Дон Кихот и Санчо Панса — главбухом Прохоровым и его кассиром Ванечкой. Мистификация с насмешкой над Дон Кихотом и Санчо Панса, устроенная герцогом и герцогиней в романе, в комедии уступает место театрализации с жульничеством авантюристов во главе с Жоржиком. Место действия, т. е. замок герцога и герцогини в «Дон Кихоте», в «Растратчиках» заменяется «особняком киностудии на Каменноостровском» [34, с. 40].

В обоих произведениях авторы подчеркивают моральную низость, надругательство над чувствами беззащитных и простодушных жертв тех, кто обладает властью и деньгами.

9. Взаимная привязанность Дон Кихота и Санчо Панса — подражание этой особенности Прохорова и Ванечки.

Независимый и гордый Дон Кихот, кажется, не нуждается в чьей-то поддержке и помощи, чужом мнении, вместе с тем «неисправимый романтик, Дон-Кихот <...> на самом деле, любит и ценит его, дерзкий юмор, неиссякаемое остроумие, положительный, практический ум — именно те свойства, которых недостает рыцарю» [24, с. 104]. Перечислив качества характера, за которые Дон Кихот уважает и ценит Санчо Панса, идальго добавляет:

...Одним словом, я не променяю его ни на какого другого оруженосца, хотя бы в придачу мне предлагали целый город [35, ч. 2, с. 240].

Автор в «Растратчиках», выстраивая аналогию отношений Дон Кихота и Санчо Панса, изображает потребность главбуха в Ванечке как в человеке, обладающем теми свойствами характера (см. параграфы 6, 7), за которые Прохоров симпатизирует кассиру.

У себя на квартире бухгалтер теплое отношение к кассиру выразил словами:

Прохоров (налив по второй). ...П... постой, Ванечка, я тебе должен сказать <...> Один ты, Ванечка, у меня на свете остался [34, с. 26].

Санчо Панса свою привязанность к идальго выражал покорным следованием безумным идеям Дон Кихота. Несмотря на постоянные упреки в обжорстве, лени, корыстолюбии «у Санчо есть много бескорыстной преданности и любви к Дон Кихоту» [24, с. 105]: «...А главное, я человек верный, так что, **кроме могилы**, никто нас с ним разлучить не может» [35, ч. 2, с. 146], — говорит Санчо Панса о Дон Кихоте. На протяжении всего сюжета Ванечка послушно шел за легкомысленными выдумками Прохорова, преданность которому выразил в словах, служащих аллюзией на слова Санчо (выделено жирным шрифтом):

Вы, Филипп Степанович <...> И я вас... уважаю... во как... **По гроб жизни**. Вы такой человек, такой человек... [34, с. 26].

Сатирический взгляд автора «Растратчиков» на основных персонажей не исключал изображения их обаятельными. Подражая «Дон Кихоту и Санчо Панса — чудакам, безумцам, бесполезным мечтателям» [24, с. 108], таким же разным (темперамент, социальное положение, культура и образование (см. параграф 1)), Прохоров и Ванечка, следуя за образцом весь непростой путь «обследования» (путешествия), сохранили симпатию, терпимость и уважение друг к другу.

10. Неудачи утверждения идеала, возвращение домой, прозрение Дон Кихота и аналогия в действиях Прохорова.

Надломленный неудачами в борьбе за ценности и идеалы рыцарства, упрекаемый в сумасшествии, Дон Кихот и его верный оруженосец Санчо Панса окончательно возвращаются домой. Призрачность утверждения идеалов прошлого, приближение смерти, а также христианская мораль возвращают Дон Кихота к обыденному сознанию, идальго выполняет желание близких, раскаивается в своих чудачествах:

...Полно, сеньеры <...> **Я был сумасшедшим, а теперь я здоров**, я был Дон Кихотом Ламанческим, а ныне, повторяю, я — Алонсо Кихано Добрый. Искренним раскаянием я надеюсь вновь сыскать то уважение, коим я некогда у вас пользовался [35, ч. 2, с. 532].

По аналогии с финальной сценой окончательного возвращения Дон Кихота домой выстраивается концовка «Растратчиков». Несбыточность мечтаний, неудачи «подвигов», подорванное здоровье («Ванечка. ...Филипп Степанович все время не в себе <...> **Совсем с ума сошли-с**» [34, с. 77]), растрата и карточный проигрыш заставляют Прохорова и его кассира Ванечку вернуться домой. Вместе с тем во внешнем сходстве кульминационной сцены есть существенное различие. Если Дон Кихот выполняет желание близких, перед смертью раскаивается в отходе от общепринятых норм поведения, то Прохоров не в силах осмыслить свое состояние, не может обуздать игру с иллюзиями:

Прохоров. ... Все вздор. Мура вокруг... Чушь. Дичь. Ничего подобного не было... Они врут... Шерри-бренди. (Очнулся, стал осмысленным.) Кто там, в передней? <...> Дверь открывается, там — милиция [34, с. 82].

Внешнее подобие оригиналу последней сцены в комедии служит своеобразной сатирой на уходящий из советской реальности образ дореволюционного интеллигента. Данная сцена заставляет читателя обратить внимание как на сходство, так и на различие образов Прохорова и Дон Кихота, побуждает задуматься, осмыслить причину драматического положения комедийного образа.

Количество и разнообразие выявленных в результате исследования аналогий, сходства внешних особенностей, функций образов основных персонажей, сюжетной схемы комедии «Растратчики» и романа «Дон Кихот» указывает на пародийный характер произведения.

Пародийный компонент сюжета влечет за собой поиск художественных параллелей романа М. Сервантеса и комедии В. Катаева: конфликт воображаемого и реальности; сочетание комедийного и драматического; трагикомичность образа основного персонажа — эти и многие другие вопросы встают перед исследователем по завершении работы. К сожалению, дальнейшее исследование не входит в тему статьи, однако создает предпосылки к всестороннему изучению комедии «Растратчики».

В России еще с XVIII в. авторы драматургических произведений находили оригинальные формы и способы интерпретации романа М. Сервантеса «Дон Кихот» [10, с. 124–148]. Во время активных политических и социальных преобразований в России 1920–1930 гг. в непростой литературно-политической обстановке М.А. Булгаков, А.В. Луначарский, М.А. Чехов, Г.И. Чулков и другие [1, с. 4–5] в своих пьесах через собственное видение истории о Дон Кихоте отразили особенности сознания человека своего времени. Выявленная в результате исследования пародия на роман «Дон Кихот» является ступенью к более глубокому изучению художественно-идейного своеобразия комедии «Растратчики». Результаты исследования могут войти в круг изучения интерпретации романа М. Сервантеса в российской драматургии, в частности драматургии советского периода 1920–1930 гг.

Список литературы

Исследования

- 1 Артамонова Т.Г. Рецепция сюжета о Дон Кихоте в русской литературе 1920–1930 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 19 с.
- 2 Бескин Э.В. В борьбе за реконструкцию // Ежегодник литературы и искусства на 1929 г. М.: Ежегодник Комакадемии, 1929. 703 с.
- 3 Брайнина Б.Я. Творческий путь Валентина Катаева // Красная новь. 1932. Кн. 4. Апрель. С. 168–180.
- 4 Брайнина Б.Я. Валентин Катаев. Очерк творчества. М.: Гослитиздат, 1960. 223 с.
- 5 Виноградская И.Н. Жизнь и творчество К.С. Станиславского: в 4 т.: 1863–1938. 2-е изд. доп., уточн. и испр. М.: Изд-во Мос. худож. театра, 2003. Т. 4: 1928–1938. 495 с.
- 6 В.К. «Валентин Катаев. Растратчики» // На литературном посту. 1927. № 11/12. С. 88–89.
- 7 Галанов Б.Е. Размышления о авторе и диалоги с ним. М.: Худож. лит., 1989. 320 с.

- 8 *Гуськов Н.А.* От карнавала к канону. Рус. совет. комедия 1920 гг. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. 211 с.
- 9 *Горький А.М.* Письмо Лутохину Д.А. (9 января 1927 г., Соренто) // Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 30. С. 6.
- 10 *Державин К.Н.* «Дон Кихот» в русской драматургии. Ст. и материалы / под ред. М.П. Алексеева. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1948. 240 с.
- 11 *Ермилов В.В.* Традиции и новаторство (Творчество Валентина Катаева) // Красная новь. 1940. № 2. Февраль. С. 188–204.
- 12 *Катаев В.П.* Растратчики — повесть // Красная новь. 1926. № 10. Октябрь. С. 65–87.
- 13 *Катаев В.П.* Растратчики — повесть // Красная новь. 1926. № 11. Ноябрь. С. 34–73.
- 14 *Катаев В.П.* Растратчики — повесть (окончание) // Красная новь. 1926. № 12. Декабрь. С. 78–108.
- 15 *Катаев В.П.* Растратчики. Берлин: Книга и сцена, 1930. 89 с.
- 16 *Климова Л.М.* Катаев-драматург // Театр и драматургия. 1959. Вып. 1. С. 115–134.
- 17 *Кнорин В.Г.* Основные задачи в области руководства художественно театральной работой // Пути развития театра: (стенографический отчет и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпроме ЦК КП (б) в мае 1927 г.). М.; Л.: Кино-изд-во РСФСР Кинопечать, 1927. С. 44–67.
- 18 *Лежнев А.И.* «Валентин Катаев. Растратчики» // Печать и революция. 1927. № 4. С. 193–194.
- 19 *Литовская М.А.* Социохудожественный феномен В.П. Катаева: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 493 с.
- 20 *Луценко Ф.И.* Творчество Валентина Катаева. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. пед. ун-та, 1959. 56 с.
- 21 *Майзель М.А.* «Валентин Катаев. Растратчики» // Звезда. 1927. № 6. С. 156–157.
- 22 *Марков П.И.* МХТ и советская драматургия // Театр и драматургия. 1934. № 3. С. 42.
- 23 *Машибиц-Веров И.М.* На грани // Писатели и современность: сб. ст. М.: Федерация, 1931. С. 41–94.
- 24 *Мережковский Д.С.* Сервантес // Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы: сб. ст. СПб.: Наука, 2007. С. 85–109.
- 25 *Огрызко В.В.* Циник с бандитским шиком. О В. Катаеве. М.: Литературная Россия, 2015. 704 с.
- 26 *Россоловская В.А.* Творчество Валентина Катаева. М.: Молодая гвардия, 1933. Кн. 6. Июнь. С. 125–132.
- 27 *Сидельникова Т.Н.* Валентин Катаев. Очерк жизни и творчества. М.: Сов. писатель, 1957. 247 с.
- 28 *Скорино Л.И.* Писатель и его время. Жизнь и творчество В.П. Катаева. М.: Сов. писатель, 1965. 368 с.
- 29 *Соловьева И.Н.* Художественный театр: Жизнь и приключения идеи / ред. А.М. Смелянский. М.: Изд-во Мос. худож. театра, 2007. 671 с.
- 30 *Старкова И.Ю.* Идеология и литература в СССР 1920–1930 гг. // Студенческий электронный журнал СТРИЖ. 2019. № 3 (26). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38234593> (дата обращения: 03.02.2024).
- 31 *Шаргунов С.А.* Катаев. Погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия, 2017. 670 с.

- 32 Шафир А.Б. «Валентин Катаев...» // Красная новь. 1927. №6. С. 262–263.
33 Шеленок М.А. Драатургия И. Ильфа и Е. Петрова и водевильная тенденция в отечественной комедиографии 1920–1930 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2016. 279 с.

Источники

- 34 Катаев В.П. Растратчики // Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1986, Т. 9: Пьесы. 576 с.
35 Сервантес С.М. Дон Кихот. Роман в 2 ч. / пер. с испанского Н. Любимова; стихи в пер. Ю. Корнеева; коммент. и ст. С. Пискуновой; худ. С. Бродский. СПб; М.: Речь, 2023. [Ч. 1.] 582 с. СПб; М.: Речь, 2023. [Ч. 2.]. 600 с.

***

© 2025. Ruslan O. Khalilov
Moscow, Russia

DON QUIXOTE AND SANCHO PANZA IN V.P. KATAEV'S COMEDY "EMBEZZLERS"

Abstract: The paper deals with the identifying of the parody expressed in the similarity of protagonists, their external features, functions of the images, the fable of the comedy "The Embezzlers" by V. Kataev and the novel "Don Quixote" by M. Cervantes. The selective analysis allowed us to highlight certain artistic elements of the comedy: the naming of characters similar to the legendary pair, creating understandable expectations; a circular fable with isolated episodes, duplicating the path of the characters of the novel; external features, behavior pattern, actions, realizing the conditional similarity between outlined characters. Despite the dynamism, acute dialogues and unexpected turns which are shading the similarity between the protagonists of the comedy and the novel, the parody is clearly readable. The Don Quixote parody does not affect the concept of the novel and is not a comic interpretation of it. The parody, established as a result of the research and used by Kataev in the creating of his comedy "The Embezzlers" is a stepping stone to a deeper study of V. Kataev's work. "The Embezzlers" may also be included in the circle of studies on the interpretations of the "great" plot in the Soviet dramaturgy of 1920–1930 years.

Keywords: V.P. Kataev, M.S. Cervantes, Don Quixote and Sancho Panza, K.S. Stanislavsky, Moscow Art Theatre, USSR.

Information about author: Ruslan O. Khalilov — Research Teacher, Dobrolyubova St., 9/11, 127254 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4870-0677>

E-mail: lilhalilov@yandex.ru; lil987654321@yandex.ru

Received: April 09, 2024

Approved after reviewing: October 07, 2024

Date of publication: March 25, 2025

For citation: Khalilov, R.O. "Don Quixote and Sancho Panza in V.P. Kataev's Comedy 'Embezzlers'." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 75, 2025, pp. 174–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-174-192>

References

- 1 Artamonova, T.G. *Retseptsiiia siuzheta o Don Kikhote v russkoi literature 1920–1930-kh gg.* [Reception of the Don Quixote Story in Russian Literature of the 1920s and 1930s: PhD Thesis, Summary]. Ekaterinburg, 2006. 19 p. (In Russ.)
- 2 Beskin, E.V. “V bor'be za rekonstruktsiiu” [“In the Struggle for Reconstruction”]. *Ezhegodnik literatury i iskusstva* [Literature and Art Annuary]. Moscow, Ezhegodnik Komakademii Publ. 1929. 703 p. (In Russ.)
- 3 Brainina, B. “Tvorcheskii put' Valentina Kataeva” [“The Creative Path of Valentin Kataev”]. *Krasnaia nov'*, book 4, April, 1932. pp. 168–180. (In Russ.)
- 4 Brainina, B.Ia. *Valentin Kataev. Ocherk tvorchestva* [Valentin Kataev. An Essay on Creativity]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960. 223 p. (In Russ.)
- 5 Vinogradskaiia, I.N. *Zhizn' i tvorchestvo K.S. Stanislavskogo: v 4 t.: 1863–1938* [The life and Work of K.S. Stanislavsky: in 4 vol.: 1863–1938], vol. 4. 1928–1938, 2nd ed., corr. and rev. Moscow, Moscow Art Theatre Publ., 2003. 495 p. (In Russ.)
- 6 V.K. “Valentin Kataev. Rastratchiki” [“Valentin Kataev. Embezzlers”]. *Na literaturnom postu*, no. 11/12, 1927. pp. 88–89. (In Russ.)
- 7 Galanov, B.E. “Razmyshleniia o avtore i dialogi s nim” [“Reflections on the Author and Dialogue with Him”]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. 320 p. (In Russ.)
- 8 Gus'kov, N.A. *Ot karnavala k kanonu. Russkaia sovetskaia komediia 1920-kh gg.* [From Carnival to Canon. Russian Soviet Comedy of the 1920th]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2003. 211 p. (In Russ.)
- 9 Gor'kii, M. “Pis'mo Lutokhinu D.A. (9 ianvaria 1927, Sorento)” [“Letter to Lutokhin D.A. (January 9, 1927, Sorento)”]. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected Works: in 30 Vols.], vol. 30. Moscow, GIKhL Publ., 1955, p. 6. (In Russ.)
- 10 Derzhavin, K.N. “Don Kikhot” v russkoi dramaturgii. *Stat'i i materialy* [“Don Quixote” in Russian Drama. Articles and Materials], comp. M.P. Alekseeva. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1948. 240 p. (In Russ.)
- 11 Ermilov, V. “Traditsii i novatorstvo (Tvorchestvo Valentina Kataeva)” [“Traditions and Innovation (Creativity of Valentin Kataev)”]. *Krasnaia nov'*, no. 2, 1940, February, pp. 188–204. (In Russ.)
- 12 Kataev, V.P. “Rastratchiki — povest'” [“Embezzlers — the Story”]. *Krasnaia nov'*, no. 10, 1926, October, pp. 65–87. (In Russ.)
- 13 Kataev, V.P. “Rastratchiki — povest'” [“Embezzlers — the Story”]. *Krasnaia nov'*, no. 11, 1926, November, pp. 34–73. (In Russ.)
- 14 Kataev, V.P. “Rastratchiki — povest' (okonchanie)” [“Embezzlers — the Story (Ending)”]. *Krasnaia nov'*, no. 12, 1926, December, pp. 78–108. (In Russ.)
- 15 Kataev, V.P. *Rastratchiki* [Embezzlers]. Berlin, Kniga i scena Publ., 1930. 89 p. (In Russ.)
- 16 Klimova, L.M. “Kataev-dramaturg” [“Kataev the Playwright”]. *Teatr i dramaturgiia*, vol. 1, 1959, pp. 115–134. (In Russ.)
- 17 Knorin, V.G. “Osnovnye zadachi v oblasti rukovodstva khudozhestvenno teatral'noi rabotoi” [“The Main Tasks in the Field of Artistic and Theatrical Work Management”]. *Puti razvitiia teatra: (stenograficheskii otchet i resheniia partiinogo soveshchaniia po voprosam teatra pri Agitprome TsK KP (b) v mae 1927 g.)* [Ways of Developing the Theater (Verbatim Report and Decisions of the Party Council on Theater Issues at the Agitprop of the Central Committee of the CPSU(b) in May 1927)]. Moscow, Leningrad, Kinopechat' Publ., 1927, pp. 44–67. (In Russ.)

- 18 Lezhnev, A. “Valentin Kataev. Rastratchiki” [“Valentin Kataev. Embezzlers”]. *Pechat' i revoliutsiia*, no. 4, 1927, pp. 193–194. (In Russ.)
- 19 Litovskaia, M.A. *Sotsiokhudozhestvennyi fenomen V.P. Kataeva* [V.P. Kataev's Socio-artistic Phenomenon: PhD Dissertation Thesis]. Ekaterinburg, 1999. 493 p. (In Russ.)
- 20 Lutsenko, F.I. *Tvorchestvo Valentina Kataeva* [Work of Valentin Kataev]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 1959. 56 p. (In Russ.)
- 21 Maizel', M. “Valentin Kataev. Rastratchiki” [“Valentin Kataev. Embezzlers”]. *Zvezda*, no. 6, 1927, pp. 156–157. (In Russ.)
- 22 Markov, P. “MKhT i sovetskaia dramaturgiia” [“Moscow Art Theater and Soviet Drama”]. *Teatr i dramaturgiia*, no. 3, 1934, p. 42. (In Russ.)
- 23 Mashbits-Verov, I. M. *Na grani. Pisateli i sovremennost': sbornik statei* [On the Edge. Writers and Modernity: Collection of Articles]. Moscow, Federatsiia Publ., 1931. pp. 41–94. (In Russ.)
- 24 Merezhkovskii, D.S. *Servantes. Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoi literatury: sbornik statei* [Cervantes. Eternal Companions. Portraits from World Literature: Collection of Articles]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 85–109. (In Russ.)
- 25 Ogryzko, V.V. *Tsinik s banditskim shikom. O V. Kataeve* [A Cynic with Gangster Chic. About V. Kataev]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2015. 704 p. (In Russ.)
- 26 Rossolovskaia, V. *Tvorchestvo Valentina Kataeva* [The Work of Valentin Kataev]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., book 6, June, 1933, pp. 125–132. (In Russ.)
- 27 Sidel'nikova, T.N. *Valentin Kataev. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Valentin Kataev. An Essay on Life and Creativity]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1957. 247 p. (In Russ.)
- 28 Skorino, L.I. *Pisatel' i ego vremia. Zhizn' i tvorchestvo V.P. Kataeva* [The Writer and his Time. The Life and Work of V.P. Kataev]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1965. 368 p. (In Russ.)
- 29 Solov'eva, I.N. *Khudozhestvennyi teatr: Zhizn' i prikliucheniia idei* [Art Theater: The Life and Adventures of Ideas], ed. A.M. Smelianskii. Moscow, Moscow Art Theatre Publ., 2007. 671 p. (In Russ.)
- 30 Starkova, I.Iu. “Ideologiia i literatura v SSSR 1920–1930-e gg.” [“Ideology and Literature in the USSR 1920s – 1930s”]. *Studencheskii elektronnyi zhurnal STRIZh*. № 3 (26). 2019. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38234593> (Accessed 03 February 2024). (In Russ.)
- 31 Shargunov, S.A. *Kataev. Pogonia za vechnoi vesnoi* [Kataev. The Pursuit of Eternal Spring]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2017. 670 p. (In Russ.)
- 32 Shafir, A. ““Valentin Kataev...”” *Krasnaia nov'*, no. 6, 1927, pp. 262–263. (In Russ.)
- 33 Shelenok, M. A. *Dramaturgiia I. Il'fa i E. Petrova i vodevil'naia tendentsiia v otechestvennoi komediografii 1920–1930-kh gg.* [The Dramaturgy of I. Ilf, E. Petrov and the Vaudeville Trend in Russian Comediography of the 1920s – 1930s: PhD Dissertation Thesis]. Saratov, 2016. 279 p. (In Russ.)